УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-16-25

А. А. Яковлев

*Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия*

mr.kolobouque@rambler.ru

ОБ ОДНОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ИЗЪЯНЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В статье обсуждается вопрос влияния на результаты свободного ассоциативного эксперимента процедуры его проведения. В ситуации, когда участники эксперимента могут дать до трёх реакций на предложенный стимул, каждая последующая реакция может быть не собственно на стимул, а на предыдущую реакцию. В результате полученные данные будут в искажённом виде представлять реальные связи в ментальном лексиконе. Анализ 6782 пар «стимул — реакция (1, 2 или 3 реакции)» показывает, что случаи, когда каждая следующая реакция дана очевидно на предыдущую, а не на стимул, не могут быть охарактеризованы как устойчивая тенденция и составляют не более 1% от общего числа реакций. Такая погрешность интерпретируется автором как несущественная. Случаи, когда каждая реакция из трёх связана со стимулом или каждая следующая реакция связана с комплексом «стимул + первая реакция», преобладают. Автор делает вывод, что это имеет место в силу особенностей ментального лексикона и его тесной связи с мышлением и сознанием человека, а именно с тем, что в момент ассоциирования в сознании возбуждается огромная сеть ассоциаций, а их экстерниоризация может проходить только последовательно.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, связь трех реакций, суть ассоциирования, характер ассоциирования, значение, методология.

1. Вводные замечания

Автору этих строк не раз случалось слышать от своих коллег упреки в том, что некоторые проводимые им ассоциативные эксперименты страдают одним изъяном, который негативно влияет на результаты эксперимента. Изъян этот состоит в том, что в наших экспериментах испытуемым обычно даётся задание дать до трёх любых ассоциаций на предлагаемый стимул, а не одну, как это традиционно бывает. На просьбу указать работы (лучше всего экспериментальные), в которых была бы показана ошибочность такой процедуры, конкретного ответа, как правило, не следует. Наши собственные разыскания подобных исследований также не привели к результату. В связи с этим цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разобраться в данной проблеме. Более конкретно и в форме вопроса цель можно сформулировать так: какое влияние на характер ассоциаций оказывает процедура свободного ассоциативного эксперимента, когда испытуемые могут дать до трёх ассоциаций на предложенный стимул? Этот вопрос

Яковлев А. А. Об одном методологическом изъяне при проведении свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 16–25.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© А. А. Яковлев, 2018

уже рассматривался нами в другой публикации (см. [Яковлев, 2018]), но применительно к понятию «ассоциативная норма», а не собственно к процедуре ассоциативного эксперимента.

2. Ассоциация как продукт ассоциирования и как предмет изучения (о случайном характере ассоциаций)

В психолингвистической литературе ассоциация определяется довольно просто — как результат ассоциирования, т.е. такой процедуры, когда человек при восприятии некоторого слова называет первое пришедшее ему на ум слово или несколько слов [Field 2004. С. 23]. Эта незамысловатая процедура позволяет определить качество и силу связи между словами в ментальном лексиконе [Там же], а через эту последнюю — связь между концептами и идеями, стоящими за данными словами [Sinopalnikova, 2003. С. 199].

Однако если обратиться к истории вопроса, то суть ассоциирования точно выражал ещё Е. Д. Поливанов: «В роли психологического термина слово А. (ассоциация. — А. Я.) именно и должно быть трактуемо как "привлечение" — именно: привлечение одним представлением другого представления. Здесь имеется в виду механизм памяти, т.е. тот процесс мышления, который именно и проводит перед нашим сознанием одно представление за другим. Первое представление влечёт вслед за собою или привлекает вслед себе некоторое второе представление, имеющее с первым определённые точки сближения или по сходству, или, наоборот, по контрасту, или по смежности и т.д. И вот как самый процесс этого привлечения (или нанизывания друг на друга) представлений, так и сам сближающий эти представления момент, — могут носить наименование А.» [Поливанов, 1991. С. 343].

Те же мысли можно найти и у другого классика отечественного языкознания — Ф. Ф. Фортунатова: «...Духовные явления смежные, т. е. получаемые в опыте вместе или в непосредственной преемственности, способны впоследствии воспроизводить одно другое, и точно так же духовные явления, сходные между собою, способны воспроизводить впоследствии одно другое. [...] Когда я вижу или представляю себе снег, я могу получить при этом, по действию психической ассоциации, также и представление другого предмета (т.е. воспроизведение ощущений другого предмета), сходного со снегом, равно как и наоборот, ощущение или представление другого предмета, сходного со снегом, способно вызвать за собою представление снега.

[...] Духовные явления связываются между собою, ассоциируются по смежности или по сходству, т.е. два духовные явления, полученные в опыте или как смежные, или как сходные, способны впоследствии воспроизводить одно другое. Что же значит: „способны воспроизводить“? Это выражение имеет тот смысл, что духовные явления, связанные между собой смежностью или сходством, воспроизводят в действительности одно другое, как скоро в данный момент не препятствуют какие-нибудь другие условия» [Фортунатов, 1956. С. 112–113].

Важно только понимать, что «духовные явления» означают здесь психические явления, явления сознания и образа мира. Ср. с этим и суждения другого классика — Н. В. Крушевского: «Если, вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнёзда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнёзд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» [Крушевский, 1998. С. 145]. У него тоже содержится зародыш идеи о том, что изучение характера ассоциаций позволяет понять характер связей между словами, а значит, характер сходства или различия их значений.

Суть идеи о силе связи между концептами, мыслями, представлениями и т. п., которая «в свёрнутом виде» представлена в реакции, тоже можно найти у Ф. Ф. Фортунатова: «...Чем чаще сочетаются в опыте известные духовные явления или чем сильнее они в этом сочетании, тем больше они способны воспроизводить впоследствии одно другое, и наоборот, чем реже они сочетаются в опыте или чем слабее духовные явления в этом сочетании, тем менее способ-

ны они воспроизводить впоследствии одно другое» [Фортунатов, 1956. С. 113]. Примечательно и вместе с тем характерно, что схожие идеи выражал физиолог и основатель отечественной психологии И. М. Сеченов: «Всякое впечатление оставляет на душе след тем более прочный и отчётливый, чем чаще оно повторялось. Словом *прочность* выражается здесь способность следа сохраняться в душе долгое время, а словом *отчётливость* — способность чувственного образа выигрывать при повторении в определённости», — а также: «...Помимо лёгкости, с какой воспроизводятся в сознании привычные впечатления, они характеризуются ещё тем, что для воспроизведения их вовсе не нужно соответствующего комплекса внешних влияний — для этого бывает достаточно намёка или какого-нибудь побочного впечатления» [Сеченов, 2011. С. 109, 110].

Для понимания сути ассоциирования важно ещё одно обстоятельство, отмеченное некогда языковедами и психологам, а именно: различные духовные явления, как ощущения, так и представления, не существуют поодиночке [Фортунатов, 1956. С. 111–112]. Впечатления в сознании сливаются в средние итоги. «*Всякий внешний предмет или явление фиксируется в памяти и воспроизводится в сознании в трёх главных направлениях: как член пространственной группы, как член преемственного ряда и как член сходственного ряда* (в смысле рядов наших классификационных систем)» [Сеченов, 2011. С. 138]. Однако эти средние итоги впечатлений не являются некоторой нерасчленённой массой: повторение схожих, но в чём-то всё же различных впечатлений влечёт за собой расчленение их общего итога в более дробные группы и их обособление, сопровождаясь появлением «ядра» группы и соответствующих внешних условий воспроизведения этих впечатлений в сознании. Всему этому сопутствует всё большая символизация предметов мысли, поскольку с каждым актом дробления мысли её предмет получает свой знак. И эти символические предметы мысли, оторванные уже от непосредственного породившего их перцептивного опыта (которые могут быть отделены от своих чувственных корней ещё большей пропастью, чем атомы от реальных предметов), способны объединяться в группы и системы [Там же. С. 89–156]. По большому счёту, на этом и основана возможность выявлять по характеру словесных ассоциаций характер связей между обозначаемыми ими идеями как «сгустками», средними итогами опыта человека.

С точки зрения методологии ассоциативного эксперимента, ассоциирование обладает ещё некоторыми особенностями, которые нельзя игнорировать.

Как позднее показали многолетние исследования А. А. Залевской и её школы [Залевская, 2005], процесс ассоциирования активизирует в сознании огромную сеть разнообразных связей, лишь одна из которых в данный момент доминирует и выражается в продукте ассоциирования – вербальной ассоциации. Этот процесс носит в большой степени вероятностный характер, а доминирующую в данный момент связь предсказать невозможно. А кроме того, невозможно предсказать и повторяемость ассоциаций при многократном проведении ассоциативного эксперимента с одной и той же группой людей и даже с одним человеком. Отсюда следует, что наблюдаемые при ассоциировании флуктуации обусловлены самой природой изучаемого явления — ментального лексикона и, в конечном счёте, сознания человека.

Важно учитывать и то, что сформированную ассоциацию между двумя словами нельзя представлять себе как стойкую последовательность между ними, ведь сущность использования слова и его связи с другими как раз и состоит в постоянном прилаживании этих связей к переменчивым и динамическим условиям речевого общения и вообще познания мира. В основе любой реакции не лежит некоторый строго заданный стандарт её возникновения, как нет в ней и стандарта её коррекций при прилаживании к условиям общения: связь между словами, проявляющаяся в виде ассоциации, не возникает и не изменяется по всегда одинаковому шаблону. Это характерно даже для связей слов, являющихся почти абсолютными синонимами.

Связь слов в ментальном лексиконе, установившаяся в норме (а не в психической или нейрофизиологической патологии) и выражающаяся в ассоциировании, проявляет не раз навсегда установленное, застывшее значение слова как средство решения речевой задачи, результат которой в ней сохраняется. Она происходит, как то и имеет место в эксперименте, в связи с **обобщённым образом множества схожих речевых задач**, когда-либо решённых с помощью

данного слова. Ассоциация как процесс связывания слов по разным характеристикам — это часть координационной структуры, включающей в себя освоенное умение решать ту или иную речевую задачу в некоторых соответствующих ей условиях. В реакции как раз и отражаются средние итоги успешных и неуспешных актов решения людьми схожих задач в схожих условиях плюс личностное переживание человеком этих актов, а не только лишь объективные связи между элементами ментального лексикона как некими абстракциями.

Следовательно, в наших экспериментах, где Ии. могли дать больше одной ассоциации, каждая следующая ассоциативная реакция не повторяет уже установившейся в узусе связи между словами, а строит эту связь заново. Случайный характер ассоциирования обосновывает, однако, возможность говорить лишь о некоторой тенденции, которая с большей или меньшей вероятностью проявляется во всей совокупности полученных от множества людей реакций и может быть, таким образом, сглажена или, наоборот, усилена условиями экспериментальной процедуры, искажая реальную картину процессов, происходящих в ментальном лексиконе.

3. Влияние процедуры эксперимента на качество ассоциаций

Для прояснения вопроса о влиянии процедуры свободного ассоциативного эксперимента на его результаты обратимся к данным нашего эксперимента, описанного в [Яковлев, 2017а; 2017б]. По заданию эксперимента две группы Ии. давали до трёх ассоциаций на известные и неизвестные им слова, причём одной группе перед экспериментом предъявлялись небольшие тексты, разъясняющие значение некоторых слов; на втором этапе обеим группам перед ассоциативным экспериментом (также до трёх возможных стимулов) предоставлялись тексты, более глубоко разъясняющие значение некоторых неизвестных им слов.

Здесь-то и возникает вопрос: не игнорируем ли мы случаи, когда каждая следующая реакция даёт на предыдущую реакцию, а не на стимул, в угоду отстаиваемой нами гипотезы?

Разумеется, есть и случаи, когда связь, скажем, второй реакции с первой реакцией выглядит более тесной, чем связь этой второй реакции собственно со стимулом. Например, ТЕНЗОР — *подарок; выигрыш*. Однако в том же ряду после второй реакции значится и третья — *документ*, которая связана с двумя предыдущими столь же неявными связями, как и со стимулом.

Ещё примеры более прочной связи между реакциями:

ТЕНЗОР — *телевизор; собака; смотреть*.

ВИВИСЕКЦИЯ — *препарировать; лягушки; больно*.

ПАССЕРОВАНИЕ — *жарка; варка*.

ГЛИАЛЬНЫЙ — *глиняный; ваза; сосуд*.

Однако нельзя сказать, что эта тенденция существенна. Куда более существенна склонность связывать вторую и третью реакцию одновременно с первой реакцией и со стимулом или только со стимулом. Например, ВИВИСЕКЦИЯ — *опыт; ошибка; смерть*.

Обе эти тенденции были отмечены нами уже на этапе обработки материала для основного исследования, и их наличие заставило нас провести дополнительный анализ всего материала, чтобы сконцентрироваться именно на этом вопросе. Дополнительно были проанализированы и материалы другого эксперимента, описанного в публикации [Яковлев, Манхирова, 2017], где Ии. также давали до трёх ассоциаций на предложенные стимулы.

Обратим внимание, что мы не рассматривали случаи, когда формально (от пробела до пробела) имеется 3 слова и более, но реакций явно меньше 3. Например:

ЧЕТВЕРГ — *четвёртый, скоро конец недели*.

НЕЗАВИСИМО — *от обстоятельств, от меня*.

НАЛЕГКЕ — *без забот, freedom*.

ИНОСТРАННЫЙ — *английский язык, фр. язык*.

АРХЕОЛОГИЯ — *скелеты доисторических животных в камнях*.

ВОСКРЕСЕНИЕ — *самый лучший день*.

ПИСАТЕЛЬ — *прозаик (про каких таких заек?)*.

МАТЕМАТИКА — *арифметика, теорема Пифагора*.

ЖИТЬ — *любо, братцы, дышать.*

УЧИТЬСЯ — *учиться и ещё раз учиться.*

КОНДУКТОР — *за проезд передаём.*

Однако мы учитывали такие случаи, когда формально (от пробела до пробела) имеется 4 слова, но реакций явно 3. Например:

УЧИТЕЛЬ — *классный учитель, школа, журнал.*

БИОЛОГИЯ — *виды, царство животных, растения.*

РЫЖИЙ — *Ron Wiensley, el sol, веснушки.*

НАУКА — *жизнь, бихевиоризм, зарождение цивилизации.*

РУГАТЬ — *матом, ни за что, бить палкой.*

ЛИНГВИСТИКА — *слово, наука, происхождение языков.*

ИСТОРИЯ — *России, искусства, много дат.*

НАЛЕГКЕ — *просто, пустые руки, без рюкзака.*

КРИЧАТЬ — *ор, кондуктор, соседи сверху.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *нелюбимый день, нет сериала, мультики утром.*

КОНДУКТОР — *тёплая одежда, крик, прибор для снятия денег.*

ВРАЧ — *больница, хирург, белый халат.*

В результате анализа нами было выявлено немало случаев с тремя реакциями, каждая из которых связана со стимулом, а не с предыдущей реакцией. Эту тенденцию можно назвать «симультианность реакций». Приведём лишь некоторые примеры:

СОЛНЕЧНЫЙ — *удар, свет, сплетение.*

ЛЮБОВЬ — *вечная, прекрасная, зла.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *рюкзак, зонт, рубашка.*

ПЛАВАТЬ — *вода, грести, шапочка.*

СОЗНАНИЕ — *стёрлось, светлое, мутно.*

ПЯТНИЦА — *отдых, выходные, слабость.*

ЛИГИРОВАНИЕ — *лига; легальный; ликование.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *организм, рубашка, клетка.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *кровь; расчленёнка; боль.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *жестокость; наука; издевательство.*

ВИВИСЕКЦИЯ — *опыт; животное; смерть.*

ОККЛЮЗИЯ — *циклон; тепло; холод.*

ОККЛЮЗИЯ — *погода; атмосфера; сложный.*

ОККЛЮЗИЯ — *циклон; облака; фронт.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *обжаривание; польза; овощи.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *морковь; лук; шкворчание.*

ПАССЕРОВАНИЕ — *еда; овощи; масло.*

ГЛИАЛЬНЫЙ — *вывод; человек; прибор; (И., видимо, не понял стимул, но, тем не менее, реакции связаны со стимулом, а не друг с другом).*

Как видно, эта тенденция проявляется даже в отношении тех слов, значение которых Ии. только что узнали, хотя и в меньшей степени, нежели в отношении давно знакомых слов.

Тем не менее, как было указано, прослеживается и противоположная тенденция — связь каждой последующей реакции с предыдущей, а не со стимулом. Её можно назвать «последовательность реакций» Например:

ПЛАВАТЬ — *вода, ласты, воздух.*

КРИЧАТЬ — *громко, фильм ужасов, кровь.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *Толстой, церковь, ул. Мира.*

ПОНЕДЕЛЬНИК — *алкоголь, компания, женщина.*

ЖИТЬ — *бояться, опоздание, страх.*

АРХЕОЛОГИЯ — *материал, старость, рухлядь.*

БЕССМЫСЛЕННО — *безвыходно, дверь, смысл.*

ОСТРЫЙ — *перец, чили, красный.*

СОЗНАНИЕ — *ум, думать, решать.*

ЗЕЛЁНЫЙ — *цвет, свобода, Демулен.*

Принципиально важно, что чрезвычайно редки случаи, когда первая реакция была бы на стимул, вторая — на первую, третья — на вторую (например, ЮРИСТ — *молоток, судья, справедливость*; но и этот случай, как многие подобные, неоднозначен). Чаще всего одна из реакций как-то связана по смыслу с той ситуацией, которая обозначается стимулом и другой реакцией. ПЛАВАТЬ — *бассейн, руки, шапочка*. Такие примеры трудно однозначно интерпретировать: в данном случае, например, неясно, на что дана третья реакция. Ещё один подобный «тяжёлый» случай: НЕДЕЛЯ — *месяц, год, вечность*.

Примеры, когда все три реакции вместе со стимулом относятся к одной ситуации, напротив, многочисленны. Видимо, всегда так и происходит, но это не всегда видно в конкретном случае. Такие примеры нами не учитывались как проявляющие simultaneity реакций. Приведём некоторые из них:

ПОВАР — *толстый, мальчик, шутка.*

НАУКА — *коммерциализация, бизнес, гранты.*

ГЕОГРАФИЯ — *глобус, рыжий, школа*. В данном случае не очень ясно, но можно предположить, что учитель географии у этого И. был рыжим.

БЕССМЫСЛЕННО — *трата, время, впустую*. Этот пример весьма показателен: связи между словами содержатся в сознании simultaneity, но эксперимент заставляет писать их successively. Сюда же относится пример с двумя реакциями из другой анкеты: БЕССМЫСЛЕННО — *пусто, трата времени*. В таких случаях, как представляется, восстанавливается «промежуточное звено» между реакциями, которое при обычной процедуре было бы скрыто от наблюдателя: вторая реакция как бы «обгоняет» третью. Ср.:

ОСТРЫЙ — *угол, красный, перец.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *круговорот, конец, цикл.*

ОСТРЫЙ — *нож, язык, кровь.*

РУГАТЬ — *обида, злость, страх.*

ФИЗИКА — *плохо, грустно, непонимание.*

ВОСКРЕСЕНЬЕ — *самый, лучший, день* (И. сам поставил запятые, видимо, под влиянием задания).

НАУКА — *коммерциализация, бизнес, гранты.*

ПЛАВАТЬ — *бассейн, вода, отвечать неуверенно.*

ПЛАВАТЬ — *бассейн, nadar, pager.*

АРХЕОЛОГИЯ — *раскопки, учёные, археологи.*

ОККЛЮЗИЯ — *тёплый, холодный, фронт.*

Некоторые примеры трудно однозначно охарактеризовать: в них последующая реакция может быть на стимул, а очень похоже, что она на предыдущую реакцию. Однако не исключено, что она дана на весь комплекс «стимул + предыдущая реакция». Такие примеры нами также не учитывались, хотя, на наш взгляд, это частный случай выше описанной simultaneity реакций. Ср.:

РАБОТА — *труд, рисование, иллюстрации.*

ИНОСТРАННЫЙ — *английский, мечта, уезжать.*

ИНОСТРАННЫЙ — *студент, язык, предмет.*

ЧИНИТЬ — *чайник, кран, ключ.*

ЧИНИТЬ — *машина, здоровье, механик.*

РАБОТА — *деньги, успех, карьера.*

СТУДЕНТ — *бакалавр, долго, мучительно.*

РЫЖИЙ — *конопатый, дедушка, апельсин.*

РЫЖИЙ — *лопата, дедушка, гриб.*

БИОЛОГИЯ — *тычинка, пестик, скелет.*

КЛЕТЧАТЫЙ — *пиджак, Шотландия, юбка.*

СРЕДА — *четверг, пятница, суббота.*

ВТОРНИК — среда, четверг, будни.

ПЯТНИЦА — суббота, воскресенье, выходные.

СОЛНЕЧНЫЙ — зайчик, день, лето.

БОЛЬШОЕ — число, дело, терпение.

Видимо, верный способ проверить, действительно ли реакция дана именно на реакцию, а не на стимул, — это переставить реакции местами. Если логичность связи их обеих со стимулом теряется, то так и есть. Если же логичность связи сохраняется, то обе они даны на стимул.

Но не получится ли тогда, что все без исключения случаи реакций именно таковы? Нам представляется, что нет. Например, случаи типа БОЛЕЗНЕННО — плохо, болезнь, зараза, ИНОСТРАННЫЙ — студент, ксенофобия, расизм явно сюда не относятся, поскольку каждая последующая реакция связана с предыдущей теснее, чем со стимулом.

Качественная картина ясна: налицо обе тенденции, хотя связь каждой последующей реакции со стимулом (симультанность), а не с предыдущей реакцией (последовательность) более частотна. Однако симультанность проявляется часто и в том, что следующая реакция даётся на значение комплекса «стимул + другая реакция», а не на значение только стимула.

Что же даёт количественный анализ? Он затруднён из-за случаев, когда невозможно однозначно определить наличествующую тенденцию. Поэтому при анализе симультанности и последовательности реакций мы учитывали только те примеры, которые не оставляют сомнений в их интерпретации.

Всего было рассмотрено 6782 пары стимул — реакция (здесь под словом «реакция» имеется в виду всё, что написано в бланке, на деле это может быть одна, две или три реакции). Из них нулевых реакций — 316 (4,659 %); случаев с одной реакцией — 3415 (50,353 %). Случаев с тремя реакциями на стимул — 1553 (22,898 %); из них случаев последовательности реакций — 49 (3,155 %; 0,722 %, от общего числа пар); однозначных случаев реакции на комплекс «стимул + другая реакция» — 20 (1,288 %; 0,295 % от общего числа пар); остальные можно считать проявлением симультанности реакций. Неоднозначные примеры, разумеется, могут несколько изменить значение этих чисел, но их порядок останется прежним.

4. Некоторые выводы

Представляется, что вопрос о существенности той погрешности, которая вносится в результаты эксперимента случаями последовательности реакций, в рамках отдельных конкретных исследований может быть решён положительно, однако в подавляющем большинстве случаев он должен решаться отрицательно: эта погрешность несущественна. Коль скоро сама специфика ассоциативного эксперимента и исследуемого предмета такова, что приходится оперировать не абсолютными, а относительными и вероятностными понятиями, то и наличие немногочисленных реакций, не связанных непосредственно со стимулом, не сказывается в существенной степени на результате эксперимента. Возможно, число таких реакций порядка 1 % кому-то из исследователей покажется существенным, нам же оно представляется не нарушающим общих тенденций ассоциативного эксперимента.

Другой вывод, на который наталкивают приведённые цифры, состоит в том, что ассоциации, выражающиеся в реакциях, содержатся в сознании и ментальном лексиконе симультанно, но эксперимент заставляет писать их сукцессивно. А отсюда и кажущаяся связь реакций между собой, которая и в самом деле есть, но сама последовательность экстерииоризации реакций носит случайный характер.

Важно учитывать, что всякая реакция в ассоциативном эксперименте не существует как нечто отдельное или дискретное, она связана со всей совокупностью психических процессов и деятельности человека, с его личностью в целом и с теми процессами, которые задействованы в той воображаемой ситуации, частью которой является стимул. Реакция выражает не просто связь между парой «стимул + реакция», а связь всей совокупности знаний, возбуждаемых в сознании этой парой. Более того, не только ей, поскольку и она дана не «в вакууме», но как часть средних итогов тех ситуаций познания и общения, в которые было вовлечено

слово-стимул; и не на стимул как таковой, а на всю ситуацию, в которой человек вступает во взаимодействие со стимулом и которая связана с совокупностью средних итогов ситуаций, ассоциированных со словом-стимулом.

Ещё один важный момент следует из того, что стимул необходимо рассматривать, так сказать, в «пространственной» совокупности связей, а также во временной совокупности связей. Начало всякой вербальной ассоциации представлено обширным комплексом разнородных процессов (познание, общение, эмоционально-личностное переживание и т.п.), но интегрированных задолго до того, как эту интеграцию раскроет стимул. Об исключительной роли стимула говорить не приходится: на стимул реагирует не ментальный лексикон, а человек (активная, чувствующая, аффективно переживающая мир личность).

В ходе общения о познании мира (вообще пристрастного его отражения в образах сознания и активного его изменения в деятельности) человек усваивает разнообразные знания, формирующие в его ментальном лексиконе огромную сеть ассоциативных связей, но при этом акт экспериментального ассоциирования возникает на основе лишь одной из них, доминирующей в данный момент. В условиях ассоциативного эксперимента разнообразная информация, полученная человеком из внешнего и внутреннего мира, «оттенена» или опосредована реакцией, которая является единственной эмпирической данностью, непосредственно доступной учёному. Если бы испытуемый мог одновременно экстерииоризовать весь этот комплекс знаний и переживаний, он бы, несомненно, сделал это, но речевая деятельность развёртывается сукцессивно (т.е. линейно). Кроме этого, его ограничивает инструкция эксперимента, поэтому ему ничего не остаётся, кроме как случайным образом «выбрать» для экстерииоризации только одно слово (в крайнем случае — несколько), которое по какому-то признаку связано с некоторым фрагментом этого сложного комплекса.

Такой выбор происходит действительно случайным образом, и этот вывод подтверждается тем фактом, что обычно испытуемый не может даже постфактум сказать, по какому признаку реакция связана со стимулом. И даже если после эксперимента проводить беседы с испытуемыми, что нередко и практикуется, то заявления самих испытуемых не проясняют ситуацию, поскольку реакция вполне могла быть обусловлена иными причинами, чем те, которые уже впоследствии осознаются.

Но, хотя каждая отдельная реакция носит **случайный** характер, их совокупность выявляет, тем не менее, **закономерные** тенденции внутренних связей ментального лексикона. И если в реакциях закономерным образом проявляется некоторая устойчивая тенденция, это значит, что данная характеристика процесса упорядочивания ментального лексикона (и вообще опыта общения и познания) характерна потенциально для всех задействованных в эксперименте людей. Другое дело, что вероятность её проявления в каждой ситуации использования данного слова (в общении) может отличаться от её усреднённого показателя, выявленного экспериментом.

Список литературы

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию (Составитель Ф.М. Березин). М.: Наследие, 1998. 296 с.

Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 623 с.

Сеченов И. М. Элементы мысли: впечатления и действительность / Под ред. К.Х. Кекчеева. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 224 с.

Фортунов Ф. Ф. Избранные труды. В 2 т. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. Т. 1. 450 с.

Яковлев А. А. Изменение значения и смысла слова как отражение новых знаний человека // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2017а. № 4. С. 239–245.

Яковлев А. А. К вопросу о физиологическом базисе семантических исследований // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017б. Вып. 17. С. 41–46.

Яковлев А. А., Манхирова В.В. Элементы обыденной картины мира в языковом сознании студента по данным ассоциативного эксперимента // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 38–56.

Яковлев А. А. Проблема вариативности ассоциативной нормы // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Филология». 2018. № 2. С. 133–141.

Field J. Psycholinguistics: The Key Concepts. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 366 p.

Sinopalnikova A. Word Association Thesaurus as a Resource for Building WordNet // GWC 2004: Second International WordNet conference: Brno, Czech Republic, January 20–23, 2004: proceedings / P. Sojka [et al.] (Eds.). Brno: Masaryk University, 2003. P. 199–205.

Материал поступил в редколлегию 18.08.2018

Andrey A. Yakovlev

*Siberian Federal University,
79 Svobodny pr., 660041 Krasnoyarsk, Russia*

mr.koloboque@rambler.ru

ON A PROCEDURE ERROR IN THE FREE ASSOCIATIONS EXPERIMENT

The paper discusses the risks of distortion of the results of a free associative experiment due to the essence of its procedure. The matter is that the “canonical” experiment’s instruction urges the participants to produce and write down at least three reactions to the proposed stimulus. It doesn’t consider the risk that each subsequent reaction, the second and/or the third one, may be induced not by the initial stimulus, but by the previous reaction which thus may also act like an occasional unintentional stimulus because not intended by the researcher.

Theoretically, there is a risk that the obtained data might distort real connections between the intended stimulus and respondents’ reactions in the participants’ mental lexicon. But in reality the impact of such a distortion is not of major importance: the analysis of 6782 “stimulus — reaction (1, 2 or 3 reactions)” pairs shows that the number of cases where the described shift occurs is not statistically significant. The number of erroneous reactions which are obviously induced by the procedure flaw itself (that is, each of the following is given to the previous one, rather than to the stimulus) amounts to no more than 1% of the total number of reactions. Therefore, such an error can’t be considered as regular and must be referred to as insignificant. It’s clear now that cases where each reaction of the three is associated with the initial (intended) stimulus or each of the following reactions refers to the “stimulus + first reaction” complex largely predominate.

At the same time, as it was argued long before by Sechenov, Polivanov, Fortunatov, and Kruchevsky (Kruszewski), verbal associating is a random (stochastic) process, which means that a large majority of reactions’ meanings are unpredictable. On these grounds the author concludes that this is due to the peculiarities of the individual’s mental lexicon which is the product of their minds and consciousness. The way of their exteriorization must also be taken into account. When, triggered by the stimulus, the process of associating starts, a huge number of reactions is activated at the same time in the human brain, but their writing down can take place only sequentially. Thus, the linear character of writing may become partly responsible for an erroneous shift of the stimulus.

Keywords and phrases: associative experiment, three-reaction chain, essence of associating, nature and essence of associating, pragmatical meaning, methodology, meaning, methodology

References

- Zalevskaja A.A.* Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word, text: Selected works]. Moscow: Gnozis, 2005. 543 p. (In Russ.)
- Krushevskij N.V.* Izbrannye raboty po yazykoznaniyu (Sostavitel' F.M. Berezin) [Selected works on linguistics]. Moscow: Nasledie, 1998. 296 p. (In Russ.)
- Polivanov E. D.* Trudy po vostochnomu i obshhemu yazykoznaniyu [Works on Eastern linguistics] Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1991. 623 p. (In Russ.)
- Sechenov I. M.* Elementy mysli: vpechatleniya i dejstvitel'nost' [Elements of thought] Pod. red. K.Kh. Kekcheeva. Izd. 2-e. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 224 p. (In Russ.)
- Fortunatov F. F.* Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1 [Selected works. In 2 vol. Vol. 1] Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 450 p. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* Izmenenie znacheniya i smysla slova kak otrazhenie novykh znaniy cheloveka [Changes of meaning and sense of a word as the reflection of new knowledge]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» [Vestnik TVGU. Series: Philology]. 2017a. № 4. P. 239–245. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* K voprosu o fiziologicheskom bazise semanticheskikh issledovanij [On the physiological basis of semantic researches]. Slovo i tekst: psikholingvisticheskij podkhod [Word and text: psycholinguistic approach]. Vol. 17. Tver': Tver. gos. un-t, 2017b. P. 41–46. (In Russ.)
- Yakovlev A. A., Mankhirova V.V.* Elementy obydennoj kartiny mira v yazykovom soznanii studenta po dannym assotsiativnogo ehksperimenta [Elements of everyday worldview in the student's language consciousness: an associative study]. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2017. № 1. P. 38–56. (In Russ.)
- Yakovlev A. A.* Problema variativnosti assotsiativnoj normy [Problem of variations in associative norm]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» [Vestnik TVGU. Series: Philology]. 2018. № 2. P. 133–141. (In Russ.)
- Field J.* Psycholinguistics: The Key Concepts. London, New York: Routledge, 2004. 366 p.
- Sinopalnikova A.* Word Association Thesaurus as a Resource for Building WordNet // GWC 2004: second international WordNet conference: Brno, Czech Republic, January 20–23, 2004: proceedings / P. Sojka [et al.] (Eds.). Brno: Masaryk University, 2003. P. 199–205.